

З. В. И. Шаховский, Н. Г. Солодовникова

Волгоградский государственный педагогический университет, г. Волгоград

З. V.I. Shakhovsky, N. G. Solodovnikova

Volgograd state pedagogical University, Volgograd

ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА КАК ПРОБЛЕМА ЭКОЛИНГВИСТИКИ

THERAPEUTIC FUNCTION OF LANGUAGE AS A PROBLEM OF ECOLINGUISTICS

Ключевые слова: функции языка, терапевтическая функция языка, эколлингвистика, «экологическое общение», эмоция.

Keywords: language functions, therapeutic function of language, ecolinguistics, «ecological / environmental communication», emotion.

Охрана эмоциональной сферы человека от языка, на котором он говорит, возможна, по мнению авторов, при условии формирования коммуникативно-экологической компетенции языковой личности. Коммуницирующие стороны через энергетическую мощь эмоций оказывают воздействие друг друга. Коммуникативно-экологическая функция языка тесно связана с эмотивной, поэтому помимо развития общекультурной и речевой грамотности языковой личности, необходимо уделять внимание формированию ее эмотивной компетенции.

Protection of human emotional sphere from the language which a man talks is possible, according to the authors, with the formation of communicative-ecological competence, linguistic and environmental identity of linguistic personality. Communicating persons affect each other by emotions. Communicative-ecological function of language is closely linked to emotive function. That is why it is necessary to pay attention to the formation of emotive competence of a lingual personality in addition to the development of its common cultural and speech literacy.

С 80-х годов прошлого столетия лингвистика становится всё более интегративной наукой. Разговоры о том, что она растворяется в других науках, теряет свои собственные объект и предмет, прекратились после того, как Е. С. Кубрякова убедительно доказала полипарадигмальность лингвистики. Такой подход к новой лингвистике конца 20 века объяснил возникновение многочисленных парадигм, вторым компонентом названия которых стало слово «лингвистика»: социо-, психо-, тексто-, прагма-, нейро-, когнитивная, эмотивная, терапевтическая, компьютерная, коммуникативная, интер-, кросс-культурная, футуристическая и другие лингвистики. Объединение целого ряда наук вокруг лингвистики выявило её центральное место в системе наук и её лидирующую роль и стало свидетельством того,

что она из имманентной и частной стремительно превращается в общенаучную дисциплину.

Среди многочисленных функций языка всё чаще упоминается его терапевтическая функция. Так, В. В. Жура, на примере записей общения врача с пациентом экспериментально установила, что часто врач неадекватно разговаривает с пациентом и тем самым нарушает заповедь Гиппократов «не навреди» (Жура, 2008). Врач (как ни один другой профессионал) знаком с тезисом «слово лечит, слово калечит». С древних времён известно, что словом можно даже убить (унизить / оскорбить / уничтожить) или возвысить (похвалить / поддержать / помочь). Ибо и слово – дело. И это особенно относится к деятельности врача: он должен помнить, что «нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся».

Терапевтическая функция языка всё больше и больше привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов (см. библиографию в докторской диссертации В. В. Жура). Но эта функция реализуется не только в институциональном общении «врач – пациент». Она всеобъемлюща для современной как горизонтальной, так и вертикальной коммуникации: бытовое общение равных по социальной лестнице людей (их общение друг с другом) и общение людей, находящихся на разных ступенях этой лестницы (общение «власть – народ»), ибо оба эти типа общения могут создавать эмоциональные конфликтные ситуации, своей негативной энергетикой провоцирующие негативные эмоции у одной или обеих коммуницирующих сторон. Конфликтообразующим может быть любое слово, сказанное не вовремя, не тому человеку, не в той ситуации, не с той интонацией, с неправильно сориентированной инициальной / терминальной интенцией.

Каждому из нас известны многие из таких случаев, каждый из нас испытывал такой неожиданный конфликтообразующий поворот своего или чужого слова на себе. Нередко такое слово приводило, как минимум, к порче настроения, как максимум, – к порче здоровья. Поэтому естественно, что лингвисты первыми стали говорить о здоровьеохраняющей функции языка.

Идея о такой функции подсказана появившейся в 19 веке наукой экологией. Термин «экология» предложен в 1866 году Э. Геккелем для обозначения науки «об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и с окружающей средой» (СЭС, 1984: 1530).

В 20 веке объектом экологии становится рациональное природопользование и охрана живых организмов. Как отмечено в СЭС, с 70-х годов 20 века складывается «экология человека» (СЭС, 1984: 1530). И таким образом, экология становится социальной наукой, а сам термин «экология» синонимизируется с термином «социология». Поскольку человек является частью природы и у него есть язык, с помощью которого он общается, становится естественным изучать язык в его здоровьеохраняющей (терапевтической) функции. В современных условиях техногенной разрушительной цивилизации давно уже возникла необходимость спасти

самого человека от неправильного пользования языком. Ибо воздействие этой, созданной человеком цивилизации, губительно и для него самого, и для его языка. О последнем свидетельствуют многочисленные работы лингвистов о порче самого языка, о лингвоциде и об унижающей функции языка (см.: Шаховский, 2007). Поэтому представляется и естественным и своевременным появление такого понятия, как «экология языка» и «экологичность коммуникации». Впервые, как отмечает В. С. Миловатский, термин «экология языка» встречается в работах английского учёного Э. Хаугена, а в отечественной лингвистике терминопонятие «экология языка» встречается в работах Ю. М. Лотмана о семиосфере и онтокоммуникации (Миловатский, 2008).

В связи с расширением применения термина «экология» в различных сферах жизнедеятельности человека и общества, становится возможным говорить об «экологизации» современной науки, в том числе, человековедения и лингвистики. На это указывает и расширение семантики термина «этология», и вычленение ещё одной функции языка – этологической, которая тесно связана с экологической и эстетической функциями языка.

Этология как наука изначально имела объектом своего изучения природу инстинкта и его влияние на социальное поведение животных, их общение друг с другом, механизмы сдерживания внутривидовой агрессии. Со второй половины 20 века появилась «человеческая этология», так как у этой науки появился новый объект – поведение человека. Поэтому семантика термина «этология» расширилась и стало возможным говорить об этологической функции языка как одной из важнейших составляющих человеческого организма, благодаря которой человек является социальным животным и благодаря которой это социальное животное общается с себе подобными.

Так, А. Киклевич среди различных функций языка как его экологическую перспективу вычленяет этологическую функцию, которой он не даёт чёткого определения, но из его рассуждений становится очевидной взаимосвязь между этими двумя функциями: экологической и этологической (Киклевич, 2008: 35-36). Их объединяет оптимизация прагматики человеческого общения в широком смысле, а, следовательно, стремление избежать разного рода коммуникативных неудач и прежде всего – конфликтов. Продолжая мысль этого автора, отметим, что значения слов находятся не в словаре, а в головах коммуникантов и что у каждого из них своя прагматика одного и того же слова. Общеизвестно, что существует прагматика говорящего (инициальная интенция) и прагматика слушающего (терминальная интенция), неконгруэнтность которых мешает оптимизации общения. С целью их оптимизации (в профилактических целях) необходимо включение такого механизма, как эмоциональный тыюнинг (Шаховский, 2008), ибо прежде всего неконгруэнтная прагматика вызывает эмоциональный диссонанс, некооперативность и неуспешность коммуникативного события. Обе эти функции (этологическая и

экологическая) основаны на биологической природе языка в его адаптивной функции и на эмоции – как биологической основе сознания. И поэтому негативные эмоции (недовольство, раздражение, злость, ненависть, ярость и другие эмоции группы гнева), возникающие в процессе неконгруентной прагматики коммуникантов, являются здоровьеразрушающим фактором и причиной бытовых и социальных неурядиц во взаимоотношениях людей друг с другом.

Анализ эмоционального и эмотивного человеческого общения в рамках многочисленных категориальных эмоциональных ситуаций с экологических позиций позволяет выделить параметры экологичности / неэкологичности общения.

К параметрам экологичного общения, среди многих других, относятся: доброжелательность, стремление партнёров по коммуникации избегать негативных оценок личности собеседника, формирование общего эмоционального центра, вежливость, кооперативность, реализация адресности высказывания через упоминание имени адресата, выбор общей темы для разговора, отбор стилистических средств сообразно ситуации, умение слушать, умение не переутомлять адресата, умение организовать внимание слушающего, взаимная толерантность, эмпатия, сдерживание негативных эмоций, поощрение собеседника и др.

Все эти многочисленные параметры экологичного общения можно объединить термином «культура речи». Таким образом, термин «экологичная речь» коннотирует смысл «хорошая речь».

К параметрам неэкологичного общения относятся: нанесение обид, оскорблений, пренебрежение, следы от которых могут долго храниться в эмоциональной памяти адресата и переживаться им, негативное оценивание партнёра, формирование и расширение антагонистического круга, диффамация, грубость, негативная вежливость (холодная / уничижительная / подчёркнуто-оскорбительная), излишняя категоричность, выдвижение в центр внимания собственного «я», разбалансировка в тематике, некооперативность, подмена аргументации и базисных установок, коммуникативное преследование, перебивы, неумение слушать, немотивированное «ты-общение», использование иностранных слов с неправильным референтом, неумеренная игра с языком, выпренность, стилистические нарушения, коммуникативные преступления и др.

Все эти параметры неэкологичной речи можно объединить термином «нехорошая речь».

Для построения концепции экологического общения представляются чрезвычайно ценными деривативные терминопонятия языковой экологии, предложенные А.П. Сквородниковым (2008). Поскольку сам термин «экология языка» является производным от термина «экология природы», то А.П. Сквородников сконструировал терминопонятия собственно экологии языка: загрязнители языка / речи, коэффициент загрязнённости речи (текста), дигрессия языковая / речевая (лингводигрессия), лингвотоксикология,

буферная емкость лингвосистемы, ниша лингвоэкологическая, право лингвоэкологическое, правонарушение лингвоэкологическое и др.

Из данного терминологического поля легко выводится название нового лингвистического направления – «лингвоэкология», объектами которой являются экология языка, то есть его здоровье, и охрана здоровья человека с помощью языка, то есть экологичность коммуникации. У этих объектов вычленяется широкий спектр предметов. Так, например, из семантики термина-композита «загрязнители языка / речи» легко выводится его референт: конкретный языковой / речевой элемент, портящий язык, и эффект от его использования (по А.П. Сковородникову, это – любые слова или обороты, противоречащие структурно-языковым, коммуникативно-прагматическим или этико-речевым нормам, снижающие качество языка / речи и комфортность речевого общения) (2008).

По нашему мнению, данная дефиниция и составляет один из предметов лингвоэкологии, является дескрипцией референта, который соотносится с этим определением. В каждом из приведённых терминопонятий, по сути дела, описательно называются предметы лингвоэкологии, составляющие референциальный набор этой науки. Перечислим эти предметы – единицы анализа данной науки: уровень загрязнения языковой / речевой среды, коэффициент загрязнения языка / речи / текста, лингводигрессия, различные виды языковых синдромов, зоны лингвоэкологической чрезвычайной ситуации, Красная книга слов, лингвотоксикология, способность языка поглощать загрязнители, лингвогомеостаз, лингвоэкологические ниши и их разновидности, лингвоэкологическое право, лингвоэкологические правонарушения, лингвоэкологические императивы, лингвоэкологический мониторинг и пр.

Анализ терминопонятий, разработанных и запущенных в научный обиход А.П. Сковородниковым, а также анализ теоретической литературы по данной проблеме (Пузырёв, 2008; Сердобинцева, 2008; Миловатский, 2008 и др.) выявляет подтверждение тезису, что всё негативное в языке более дифференцировано, потому что слов в негативной оценке – больше. Так, среди лингвоэкологических терминов большинство соотносится не с положительными, а отрицательными процессами, происходящими с языком и ментосферой человека, неправильно использующего этот язык.

Известно, что эмоция формирует ситуацию и наоборот. Целый кластер отрицательно заряженных эмоций провоцируется самими реалиями современной российской жизни, а также вербальной упаковкой этих событий, транслируемой через СМИ. Вместо того, чтобы негативные явления, которые сами по себе вредоносны для ментального и психического здоровья, преподносить, пользуясь экологической функцией языка, официальные СМИ так их вербально упаковывают, что вредоносными в эмоциональном плане становятся сами слова. Приметой нашего времени стало безраздельное доминирование в текстах СМИ слов, обозначающих отрицательные оценочные понятия: *кризис, взрыв, пожар, авиакатастрофа, убийство, расстрел, крушение, ограбление, насилие, самоубийство,*

дедовщина, обнищание, банкротство, терроризм, стихийное бедствие, эпидемия (птичий / свиной грипп), акция протеста, осиротевшие родители и др.

Поскольку все эти понятия соотносятся с эмоциями, то становится очевидным, что через лексику журналисты моделируют в обществе соответствующие эмоциональные настроения: страх, подавленность, неуверенность в себе, – что не способствует прогрессу и положительной динамике морального климата в стране. Граждане России получают от СМИ в основном эмоциональные удары (*strikes*), а не положительные поглаживания (*strokes*): *музейные кражи, взрывы в храмах, пожары в соборах, торговля детьми, торговля человеческими органами, отказ от детей, педофилия, расстрелы, грабежи, самоубийства в армии, детская беспризорность, детское рабство, заказное убийство, идентификация фрагментов трупов, нападения, обстрелы, повышение тарифов, рост цен, задолженность по зарплате, приватизация здравоохранения (вузов, образования, земли, природных ресурсов), межнациональные конфликты, разжигание национальной розни, взяточничество, снижение прожиточного минимума, аварии, дело по статье «убийство», разбойные нападения, преступления, поисково-спасательные работы, пожары в шахтах (школах, вузах, детских интернатах), гибель подлодки, расстрел детей Беслана, «груз 200», «чёрный тюльпан» и др. (Шаховский, 2007).*

Действительно, в словарном составе любого языка более обширно представлена отрицательнооценочная лексика, но многофункциональность языка позволяет интерпретировать социокультурные контексты и в терминах позитивного доминирования, а его разнообразные коммуникативные и эмотивные варианты предоставляют возможность реализовать функцию глорификации (возвышения языком), чтобы исходящие от русского языка импульсы не были бесконечно негативными и не вели к бессознательной агрессии людей.

Частным случаем неэкологичной коммуникации может послужить недавняя кампания по выбору главы Администрации города Волгограда. Основной корпус примеров был составлен по текстам 55 номеров 4 главных претендентов на искомую должность – Р. Гребенникова («Первая газета»), В. Галушкина («Волгоградская правда»), Р. Херианова («Город героев»), О. Михеева («Блокнот»). Отметим, что главным фактором неэкологичности мы считаем реальное или потенциальное наличие в предвыборных текстах негативных эмоций, показателями которых являются (в терминах В. И. Шаховского) потенциативы и коннотативы (Шаховский, 2008).

Анализ газетного материала выявил наличие отрицательно-эмотивной лексики практически во всех фрагментах предвыборного макротекста: в заголовках и текстах статей, в названиях рубрик, в газетной линейках, в интервью с претендентами, комментариях претендентов и корреспондентов их газет по отношению к тем или иным действиям оппонентов, в их лозунгах и программных заявлениях, оценке сложившейся ситуации, в рейтингах, опросах избирателей и пр. Сам контекст предвыборной кампании,

характерной особенностью которого было перманентное коммуникативное давление на избирателя и убеждение его в том, как интенсивно наполняется негативом его жизнь из-за действующей на тот момент власти, был отрицательно заряжен. Непрестанное коммуникативное насилие над избирателем, которому некуда было спрятаться от лавины негативных текстов и высокой концентрации отрицательных эмоций на единицу площади этих текстов, осуществлялось через бесконечное напоминание, тиражирование, оязыковление негативных реалий предвыборной волгоградской жизни. Сами темы, на которые высказывались претенденты, их обещания всё исправить и изменить к лучшему, наводят на мысль о том, какое количество проблем давно накопилось и долгое время оставалось нерешённым, словно ожидая своего срока: пора решать их настала именно в период предвыборной кампании, что неоднократно подчёркивалось в газетах.

Претенденты обещали сделать столько всего хорошего (*помочь, оплатить, починить, переделать, вылечить, возобновить, спасти, разобраться – сделать!*), что невольно становилось явным, сколько уже есть всего плохого – неоплаченного, неотремонтированного, неубранного, недоделанного и (!) несделанного. Здесь работала саморазоблачающая функция языка: хотели показать, сколько всего предстоит хорошего, а подчеркнули, сколько уже накопилось плохого по их же вине. Попытки уверить, что всё будет хорошо, высветили будто прожектором огромное количество нерешённых проблем. Проиллюстрируем это примерами заголовков статей из различных номеров разных газет.

«Волгоградская правда»: Лечение или мучение? От пребывания во многих медицинских учреждениях города здоровья у пациентов не прибавляется. 2. Ямы да колдобины, в которых «хочется жить». Наша жизнь – не ваши сказки.

«Город героев»: 1. Впервые за 20 лет в Волгограде строится новый детский сад. 2. Впервые в городском бюджете закладываются средства в 60 миллионов рублей для оказания адресной помощи в оплате услуг ЖКХ. (*Обратим внимание на акцент на слове «впервые», которое, по желанию заказчика статьи, должно было указать на то, что, наконец-то, что то делается. Но это же самое слово указало на то, как долго ничего не делалось – В. Ш., Н. С.*).

«Первая газета»: 1. Жильё для бедных пока строить не будем? 2. Волгоград – один из самых загрязнённых городов мира. 3. Городские власти выжили детей из санатория. А на его месте возвели элитные особняки. 4. Качество воды со знаком «минус», или кому выгодно «травить» волгоградцев. «Блокнот»: 1. Куда уходят дети Волгограда? (*От безработицы и нужды молодёжь отправляется на заработки в другие города – В. Ш., Н. С.*). 3. У города должна появиться стратегия экономического развития! (*Значит, её до сих пор – нет? – В. Ш., Н. С.*).

Но собственно показателем коммуникативной неэкологичности волгоградской жизни в период предвыборной кампании, на наш взгляд, являются многочисленные попытки диффамации конкурентов словом.

Привлекались к этому и избиратели, мнения которых публиковались в рубрике «Народное мнение»: «Про некоторых кандидатов мы в последнее время узнали много интересных подробностей из личной жизни. Про прежнего мэра тоже столько всего в период выборов рассказывали, но многие не поверили. Волгоград его выбрал. А что в итоге? Обоср...сь на всю страну», Виктор Шеремет, 19 лет. Листовка С. Аллахвердиева от 23.04.07. («прежнего мэра» Е. Ищенко посадили в тюрьму – В. Ш., Н. С.). Использование мнений избирателей, на наш взгляд, – одно из самых сильных диффамационных средств воздействия, поскольку оценку дают не сами конкурирующие претенденты, а такие же избиратели, как и все остальные, что может свидетельствовать об их меньшей ангажированности, в отличие, например, от пиар-групп претендентов (подробнее об этом см.: Солодовникова 2008).

Доминантой анализируемой предвыборной кампании была, избранная всеми без исключения претендентами, стратегия глорификации себя и своих деяний и диффамация дел оппонента. Обильная критика, прямые и косвенные обвинения в мошенничестве, взяточничестве, коррумпированности, доказательства нечистоплотности помыслов и поступков, уличения в жадности, бессовестности сыпались на избирателя как из рога изобилия. Интерес представляет, на наш взгляд, принцип рикошета: призванная восславить благие деяния того или иного претендента газетная статья, в которой до копейки был напечатан отчёт о помощи детскому саду / дому / школе / библиотеке, а также сами благодарственные письма тех, кому эта помощь была оказана, снова обличали тот факт, насколько часто помощь в Волгограде оказывается кому-то вообще.

Выбранная нами в качестве иллюстрации предвыборная кампания может быть охарактеризована как пример низкоэкологичной коммуникации. Даже с оговоркой, что весь материал в газете размещается так, чтобы сделать нужный акцент в нужный момент на нужном событии, нельзя не отметить, какое количество отрицательных эмоций у избирателя, провоцировал как сам контекст волгоградской жизни за тот период, так и его языковая СМИ-упаковка. Это видно даже из опубликованных в разных газетах мнениях избирателей. Это и усталость от обещаний, раздражение и обида от безразличия властей к таким проблемам, как отсутствие жилья, денег, социальных гарантий, недовольство от чёрноты пиара, а также от агрессивности избирательной кампании того или иного претендента.

Подводя итоги, заметим, что под экологией мы понимаем здоровье языка, а под экологичностью коммуникации – использование терапевтических ресурсов языка для того, чтобы сделать общение приятным. Поэтому возможно говорить о (не)экологичности коммуникации, а, следовательно, о выделении коммуникативно-экологической функции языка. Эта функция условно распадается на собственно экологическую (здесь можно говорить о здоровьесохранении языка) и её подвид – коммуникативную (собственно здоровьесохранение или охрана здоровья коммуникативной личности от разрушительного воздействия языка).

Обобщённо это можно сформулировать так: в современной коммуникации необходимо осуществлять охрану как самого языка, так и охрану от него же. Первому посвящены многочисленные исследования учёных-русистов, которые пытаются ответить на вопрос: губительно или благоприятно для языковой системы такое её свойство как открытость? А проблеме охраны эмотивной сферы человека от вредоносного воздействия языка посвящено данное исследование.

Охрана эмоциональной сферы человека от языка, на котором он говорит, возможна, как представляется авторам данного исследования, при условии формирования коммуникативно-экологической компетенции языковой личности. Объективно назрела потребность / необходимость в разработке дидактических пособий по её формированию. Поскольку коммуникативно-экологическая функция языка тесно связана с эмотивной, представляется, что помимо развития общекультурной и речевой грамотности языковой личности, необходимо существенное внимание уделять формированию её эмотивной компетенции, как части общекоммуникативной. Это необходимо делать потому, что коммуницирующие стороны через энергетическую мощь эмоций оказывают воздействие не только на рацию, но и поведение друг друга. И если теоретические знания об экологии коммуникации и не обеспечат умения избегать коммуникативных сбоев, провалов, различного рода травм, то, возможно, они облегчат и ускорят поиск средств по их ликвидации, а также научат общающихся использовать терапевтические ресурсы Слова.

Литература

1. Жура В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: Монография. – Волгоград: ВолГМУ ООО «ДарКо», 2008.
2. Миловатский В. С. Об экологии слова. (Электронный ресурс: <http://kladina.narod.ru/milovatskiy/milovatskiy.htm> Дата обращения: 26.08.2008).
3. Пузырёв А. В. Проблемы экологии и русского языка в системном осмыслении // Экология русского языка: Материалы 1-й Всероссийской научной конференции. – Пенза: Изд-во Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, 2008. – С. 6-8.
4. Сердобинцева Е. Н. Законы общей экологии и язык // Экология русского языка: Материалы 1-й Всероссийской научной конференции. – Пенза: Изд-во Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, 2008. – С. 4-5.
5. Сиротинина О. Б. Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилициной и О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2001. – С. 222-228, 241-245.
6. Сковородников А. П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии. (Электронный ресурс: <http://www.gazeta.sfu-kras.ru/node/307> Дата обращения: 26.08.2008).

7. Сковородников А. П. Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе. (Электронный ресурс: <http://www.gazeta.sfu-kras.ru/node/307> Дата обращения: 26.08.2008).

8. Солодовникова Н. Г. Средства нарушения экологичности предвыборного газетного коммуникативного пространства // Известия ВГПУ. Серия «Филологические науки», № 10 (34). – Волгоград: Перемена, 2008. – С. 44-47.

9. СЭС: Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. третье. – М.: «Советская энциклопедия», 1984.

10. Шаховский В. И. Эмоциональный тьюнинг в речевом общении // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – № 1 (14). – 2009. (Электронный ресурс: http://tverlingua.by.ru/archive/014/2_shakov.pdf Дата обращения: 28.04.2009).

11. Шаховский В.И. Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства // Начно-методический иллюстрированный журнал «Мир русского слова», № 1-2, 2007. – С. 40-45.

12. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008.

13. Kiklewicz A. Language functions in the ecolinguistic perspective. New Pathways In Linguistics. Edited by Stanislaw Puppel & Marta Boguslawaska-Tafelska. Institute Of Modern Languages and Literature & University Of Warmia And Mazury. Olsztyn, 2008. – P. 23-45.

References

1. Zhura V. V. Discursive competence of a doctor in the oral health communication: a Monograph. - Volgograd: VolGMU OOO «DarKo», 2008.
2. Milovatsky V. C. About the ecology of the word. (Electronic resource: <http://kladina.narod.ru/milovatskiy/milovatskiy.htm> Reference date: 26.08.2008).
3. Puzyrev, A. Century, the Problems of ecology and the Russian language in the system comprehending // Ecology of Russian language: Materials of 1st Russian scientific conference. - Penza: Publishing house of Penza state pedagogic University. C. D. Belinsky, 2008. - p. 6-8.
4. Serdobintseva E. N. Laws of General ecology and language // Ecology of Russian language: Materials of 1st Russian scientific conference. - Penza: Publishing house of Penza state pedagogic University. C. D. Belinsky, 2008. - p. 4-5.
5. Sirotinina O. B. Good language / Ed. by M. A. Kormilitsyna and O. B. Sirotinina. - Saratov: Publishing house of Saratov University, 2001. - С. 222-228, 241-245.
6. Skovorodnikov A. P. The establishment of the system of linguoecological terminology. (Electronic resource: <http://www.gazeta.sfu-kras.ru/node/307> Reference date: 26.08.2008).
7. Skovorodnikov A. P. Ecology of the modern Russian language and the role of the media in this process. (Electronic resource: <http://www.gazeta.sfu-kras.ru/node/307> Reference date: 26.08.2008).

8. Solodovnikova N. A. Means of violating environmental friendliness of the pre-election newspaper communicative space // proceedings of Volgograd state pedagogic University. Series «Philological Sciences», № 10 (34). - Volgograd: Peremena, 2008. - C. 44-47.
9. SES: Soviet encyclopaedic dictionary / CH. Ed. by A. M. Prokhorov. Ed. third. - M: «Soviet encyclopedia», 1984.
10. V.i.shahovsky Century I. Emotional tuning in speech communication // Electronic scientific magazine «the World of linguistics and communication». - № 1 (14). - 2009. (Electronic resource: http://tverlingua.by.ru/archive/014/2_shakov.pdf Reference date: 28.04.2009).
11. V.I. Shakhovsky Humiliation language in the context of modern communication space // Scientific & methodical magazine «World of the Russian word», № 1-2, 2007. - C. 40-45.
12. V.I. Shahovsky Linguistic theory of emotions: Monograph. - M: Gnosis, 2008.
13. Kiklewicz A. Language functions in the ecolinguistic perspective. New Pathways In Linguistics. Edited by Well Puppel & Marta Boguslawaska-Tafelska. Institute Of Modern Languages and Literature & University Of Warmia And Mazury. Olsztyn, 2008. - P. 23-45.

(0,52 п.л.)